

А.Н. Приходько

(Днепропетровский нац. ун-т им. Олеся Гончара)

САМООРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТИВНЫХ СИСТЕМ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР КОНЦЕПТОВ

1. Интродукция. Системная организация концептокорпуса с ее алгоритмом, механизмами и принципами поддерживает существование концептов в логосфере этноса в виде определенным образом упорядоченных групп – концептосистем [Приходько 2013]. Описание концептосистем способствует более глубокому проникновению научной мысли в понимание процессов концептуализации. Однако, оно не дает полного представления о всей параметрической палитре концептосистем, поскольку за рамками интерпретации остаются такие их свойства, как устойчивость / неустойчивость и противоречивость / непротиворечивость. Особенно отчетливо это видно, когда в силу тех или иных причин нарушаются когнитивно-логические связи внутри целого, а сама система рассекается на изолированные элементы.

Стабильность и текучесть, эволюция и инволюция концептосистем оказываются в значительной степени зависимыми от аттрактора – доминирующего смысла, который следует рассматривать как зону гармонизации симметрии и асимметрии, организации и дезорганизации, как относительно стойкое состояние систем, которые "словно притягивают к себе все множество траекторий ее развития, независимо от первоначальных условий" [Семенец 2004: 20].

В том, как меняется когнитивная карта дискурса, отображается принцип самоорганизации концептосистемы, связанный с исчезновением одних категорий, слов, концептов и появлением в лингвокультурном ландшафте новых, что происходит в соответствии с алгоритмом петли обратной связи Н. Виннера [Wiener 1950: 24]. В экстраполяции на речевые сообщения этот алгоритм можно изобразить в виде рис 1 с тремя узлами ("когнитивными точками"): **Н** – замысел говорящего сообщить некую информацию; **О** – оценка им же осуществленного сообщения на предмет его полной информативности и соответствия первоначальному замыслу; **К** – коррекция (принятие решения относительно исправления информативной неполноты).

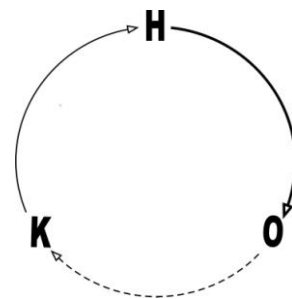

Рис. 1.

Петля обратной связи

Петля обратной связи представляет собой кольцевую систему взаимосвязанных элементов, в которой начальное влияние распространяется вдоль узлов таким образом, что каждый элемент влияет на последующий. Результатом такого влияния является то, что первое звено ("вход") поддается влиянию последнего ("выход"). При этом вход, в свою очередь, снова поддается оценке и, в зависимости от того, удовлетворяет или не удовлетворяет говорящего результат информирования, процесс может возобновиться. Тогда петля приобретает вид спирали: к уже использованным сообщениям добавляются новые. Это и есть саморегуляция, так как начальный сигнал модифицируется каждый раз, когда проходит всю петлю.

2. Самоорганизация концептосистем: статика и динамика. На фоне перманентной изменчивости научных и языковых картин мира происходят изменения и в структуре самих концептов, а также в концептосистемах. Принцип изменчивости концептосистем детерминируется законами онто- и филогенеза. Эти законы суть единство и борьба противоположностей –

конструкции и деструкции, конвергенции и дивергенции. Любая система всегда является средоточием действий энтропийных сил, сопровождаемых процессами бифуркации и диссипации, которые приводят к хаосу и разрушениям.

Вместе с тем, система является вполне жизнеустойчивой, она постоянно сопротивляется энтропии, в ней заложено стремление к равновесию и сбалансированности структуры. Внутреннее напряжение системы – это состояние борьбы двух разнонаправленных векторов, конструктивного и деструктивного. Их взаимодействие представляет собой самоорганизацию системы, которая уводит ее от удара энтропии и направляет ее развитие в сторону приобретения новых качеств, в результате чего происходит не разрушение, а саморазвитие системы по эволюционной спирали. Последняя представляет собой неразрывное единство статического (стабильного) и динамического (изменчивого).

Паутина взаимоотношений концептов в дискурсе объясняется такой их особенностью, как способность к изменчивости в лингвокультурном сознании [Воркачев 2011; Карасик 2010]. Исходя из того, что концепт никогда не существует сам по себе, а мыслится как элемент какой-нибудь системы, он всегда находится под влиянием своих "побратимов". Со временем меняется и количество концептов, и объем их содержания. Н.А. Красавский называет среди прочих две основные причины изменчивости структуры концепта – экстра- и интралингвистические. Первые (внешнеязыковые) базируются на социокультурных и социоэкономических трансформациях, на изменении моральных ценностей, на выборе валоративных приоритетов, а вторые (внутриязыковые) – на заимствованиях, деривационных процессах и на процессах тропеизации [Красавский 2001: 68].

Интралингвистические факторы самоорганизации концептосистем связаны, в первую очередь, с лексической вариативностью тела концепта. С точки зрения когнитивной семантики, лексическая вариативность не является изменчивостью, а только подвижностью семантической структуры, которая

бытует одновременно в двух планах – виртуальном (существует как потенциальная семантическая структура) и актуальном (существует только в связи со своим структурно-семантическим целым). Однако эволюцию концепта не следует рассматривать как процесс самостоятельного наращивания объема. Наряду с обогащением концепта новыми ассоциациями происходит утрата старых. Это обусловлено как ограниченностью человеческой памяти, так и изменениями во внеязыковой действительности, подлежащей концептуализации.

Как и любое лингвокультурное явление, концепт не может быть статичным. В ходе поступательного развития языкового коллектива его структура непрерывно меняется, поскольку меняется внешний мир для человека и внутренняя система ценностей. Н.Н. Болдырев сравнивает концепт с комом снега, который катится, постепенно обрастая новыми слоями. Так же и содержание концепта постоянно насыщается новыми импульсами, а его объем увеличивается за счет приращения новых качеств [Болдырев 2001: 30].

Управляемый законами онто- и филогенеза, принцип изменчивости способствует устранению из системы концептов, утративших свою актуальность для индивидуального или коллективного сознания, и введению в нее новых ментальных единиц, в том числе и тех, что усваиваются не из эмпирического опыта, а при помощи языка. О том, что количество концептов и объем содержания многих из них непрерывно меняется, свидетельствует и сама возможность их бесконечных интерпретаций в разных коммуникативных ситуациях. "Поскольку мир постоянно изменяется, люди должны постоянно узнавать новые вещи. Человеческое знание должно иметь форму, которая быстро приспосабливается к этим изменениям, поэтому единица передачи и хранения знания также должна быть гибкой и подвижной" [Маслова 2004: 154].

Изменчивость концептов и их систем обуславливается факторами социокультурного и социодискурсивного порядка: изменения во внеязыковой действительности, колебания степени актуальности, трансформация или потеря

понятийного субстрата, ассоциативного адстрата и валоративного эпистрата, изменение аксиологического полюса, функциональная переориентация вплоть до полного извлечения концепта из социокультурного обращения.

При таких условиях срабатывает один из ведущих принципов синергетики – подчинение всех элементов сложной системы наиболее неустойчивому элементу [Герман 2000: 37]. В нашем случае неустойчивым элементом является тот концепт, который в определенный период саморазвития этноса начинает утрачивать свою актуальность для лингвокультурного сознания. Постепенно отделяясь от системы ценностных доминант, он наделяется определенной регулятивной силой, так как выводит систему из хаотичного, информативно неупорядоченного состояния и приводит ее в состояние информативной сбалансированности. Информативно сбалансированному трансферу знаний способствуют процессы эволюционной динамики: митигация, интенсификация, аккомодация.

Механизм *митигации* отражает стремление концептосистемы избавиться от тех единиц, которые утратили свою актуальность для социокультуры. Изменения в структуре концепта могут быть связаны с колебаниями степени актуальности. Такие колебания связаны с увеличением или уменьшением количества языковых единиц, являющихся средствами (ре)презентации концепта. В связи с этим Г.Г. Слышкин говорит о возникновении большого количества номинаций насильственной смерти в период войн и революций. Так, во время гражданской войны появились неологизмы со значением "расстреливать": *поставить к стенке, пустить в тираж, отправить на раскание, отправить на Машук фиалки нюхать, отправить на шлепку*. Во время Великой французской революции возникло однословное обозначение для такого действия, как "вешать на фонаре" – глагол *lanterner*, который когда-то имел значение "качаться". В языке нацистской Германии распространились многочисленные эвфемизмы, имеющие значение "ликвидация": *Ausschaltung*

'изъятие', *Aussiedlung* 'выселение', *Umsiedlung* 'переселение' [Слышкин 2004: 47].

Между тем в генезисе концептосистем не менее важным моментом может быть и утрата понятийного субстрата. Чаще всего это происходит в разговорном дискурсе, который отличается довольно активными динамичными процессами на фоне постоянно действующих социокультурных трансформаций общества. В диахронии, так же как и в синхронии, концепт остается подчиненным процессам категоризации, которые могут повлиять и на его лексическое воплощение. Так, именно изменения, произошедшие в лексических средствах, инкорпорируются в когнитивные структуры, замещая или дополняя уже существующие смежные элементы, и могут, в свою очередь, стать причиной изменений, происходящих на концептуальном уровне. Если изменения в лексико-семантической системе обусловлены экстралингвистическими факторами, новая информация о мире подвергается категоризации на основе прототипических черт, что может повлиять на выбор лексического знака для нового номинанта.

Эти трансформации сопровождаются либо утратой какого-либо оттенка ценностной составляющей (ср., например, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ПРОФЕССОР, УЧИТЕЛЬ, ОФИЦЕР в дореволюционную эпоху, во времена "зрелого социализма" и ныне), либо изменением аксиологической полюсности. В последнем случае концепт полностью изменяет свой оценочный знак с положительного на отрицательный. Достаточно вспомнить, что такие когда-то позитивно воспринимаемые концепты, как ДУРЕНЬ (валах, пастух), СВОЛОЧИ / СВОЛОТА (люди, собиравшиеся в определенном месте), ЗАРАЗА (привлекательность, очаровательность), РЯХА (опрятно одетый человек) и другие переосмыслились как негативные. Процессу переоценки поддаются не только отдельные концепты, но и концептополя. В частности, ведущая концепт-идея советских времен КОЛЛЕКТИВИЗМ с ее производными КОЛХОЗ, БРИГАДА,

СЕЛЬСОВЕТ, ОРГАНЫ, ПАРТКОМ, ТОВАРИЩ оказались нивелированными концепт-идеей ИНДИВИДУАЛИЗМ, импортированной из клуба западных менталитетов.

История знает и случаи полного изъятия концептов из социокультурного обращения. Анализируя социодискурсивные последствия Великой французской революции 1789–1792 гг., Р. Барт пишет: "...устранение или возвышение слов обладает едва ли не магической действенностью. С устранением слова как будто устраняется и референт: запрет на слово *дворянство* был воспринят обществом как ликвидация самого дворянства" [Барт 1989: 526]. Несомненно, можно найти немало примеров и обратного процесса, когда возникновение слова дает толчок к возникновению в сознании некоего нового для него референта, который со временем обретает статус концепта.

Перманентные динамические процессы, происходящие во время эволюционного развития материи и духа, имеют не только биологические и социальные последствия, сказываются они и на явлениях социодискурсивного и лингвокультурного порядка. Вместе с дискурсивной трансформацией лингвокультурного континуума происходят и кардинальные изменения в языковых картинах мира, сопровождающиеся переоценкой концептуальных единиц. Канули в Лету наши СУББОТНИК, ОЧЕРЕДЬ, МАЕВКА, ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ, СОБРАНИЯ, ДОСТАВАТЬ, КОВРЫ-ХРУСТАЛИ, немецкие ARBEITEN, BETEN, SPAREN или KINDER, KÜCHE, KIRCHE, японские ПОКОРНОСТЬ и СДЕРЖАННОСТЬ. Им на смену пришли новые концептуальные ценности (ДЕМОКРАТИЯ, РЫНОК, ОФИС, КАЗИНО, БРЕНД, ПРЕЗЕНТАЦИЯ, ФУРШЕТ, ТУСОВКА, МАЖОР и др.), а также антиценности (БОМЖ, ПРИВАТИЗАЦИЯ, ПРОИЗВОЛ, ДЕРИБАН, ОТКАТ, ОТМОРОЗОК, БРАТКИ, НОВЫЙ РУССКИЙ и др.).

Изменчивый характер концептокорпуса особенно четко виден в политическом дискурсе. Достаточно сравнить набор концептов эпохи СССР (ЛЕНИН, ПОЛИТБЮРО, СЪЕЗД, СЛЕТ, ПРОЛЕТАРИАТ, СОВЕТСКИЙ НАРОД, ДРУЖБА НАРОДОВ, ХОЛОДНАЯ ВОЙНА), его развала (ГОРБАЧЕВ, ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКА,

РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ), постсоветских государств (ДЕМОКРАТИЯ, ПАРЛАМЕНТ, РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА, СВОБОДА СЛОВА, ФИРМА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ). Нет больше в нашем лексиконе и таких концептивных идеологем, как ПИОНЕР, КОМСОМОЛ, ПАРТКОМ, НОМЕНКЛАТУРА, а КОММУНИСТ совсем поменял свою аксиологическую полюсность. В таких случаях нивелируется одна из существенных характеристик концепта – валоративная, тогда как понятийная составляющая характеризуется появлением в языковых единицах какого-либо нового оттенка значения, демонстрирующего изменение отношения социума к тому, что подвергается концептуализации.

Противоположный принцип – **интенсификация** – связан со способом введения в лингвокультурное обращение тех концептов, которые начинают приобретать определенную актуальность в новых социальных условиях. Это связано с тем, что степень актуальности концепта может как уменьшаться, так и возрастать. Некоторые концепты с течением времени не только "устаревают", но и как бы обретают второе дыхание, набирая все бóльшую и бóльшую социодискурсивную значимость. В первую очередь, это касается телеономов СЕМЬЯ, ЗДОРОВЬЕ, СЧАСТЬЕ, БЛАГОСОСТОЯНИЕ, БОГАТСТВО, РАДОСТЬ, УСПЕХ и, конечно, ДЕНЬГИ. Эти и другие не меняющиеся столетиями ценности довольно хорошо вписываются в набор тех пожеланий, которые размещают на праздничных открытках. Как правило, именно такие единицы имеют транскультурную значимость. Например, немецкие энциклопедии предлагают в подобных случаях такие пожелания, как *gegenseitige Liebe / Achtung; viel Glück; feste Gesundheit, glückliche Zukunft; erdenklich alles Gute* и др. [Briefe 1989: 50]. Они являются одновременно и общечеловеческими (*взаимная любовь / уважение; счастье; крепкое здоровье; счастливое будущее; всего наилучшего*).

Суть **аккомодации** заключается в приспособлении концепта к новым условиям функционирования. В условиях техномедиакратизации общества и, соответственно, его социодискурсивной трансформации имеют место активные процессы функциональной переориентации определенных лингвокультурных

ценностей. Например, такие некогда концептуальные понятия, как КОНЬ, СЧЕТЫ, ИНСПЕКТОР уступили место своим новым функциональным коррелятам (МАШИНА, КАЛЬКУЛЯТОР, КОМПЬЮТЕР, МОНИТОРИНГ), а гоголевский и постгоголевский РЕВИЗОР – АУДИТОРУ. Водоворот времени может не только сметать с исторической сцены одних концептуальных актеров и заменять другими, но и "реанимировать" уже практически забытые.

Нет ничего удивительного в том, что некоторые ценности вчерашнего дня актуализируются в дискурсе дня сегодняшнего. Например, такие "неконцептуальные" когда-то понятия, как ХОЗЯИН и ПРИСЛУГА, позднее стыдливо замалчиваемые советской пропагандой, обретают сегодня словно второе дыхание и становятся концептуальными (некоторые, правда, в несколько подретушированном виде – *ямщик, извозчик, кучер* → ШОФЕР). Изменение вербальных ярлыков может сопровождаться не только "выбраковкой" концептов, но и расширением набора функционально значимых элементов (ПЕЧАТНАЯ МАШИНА → КОМПЬЮТЕР, ПРИНТЕР, СКАНЕР).

Интересные размышления в связи с этим предлагает А.Д. Шмелев в отношении "примирения с действительностью в советскую эпоху". Он, в частности, отмечает, что такая христианская ценность, как ПРИМИРЕНИЕ, была надолго изгнана из лексикона человека, а ее аналогом стало отрицательно оцениваемое ПРИМИРЕНЧЕСТВО, вместо которого приветствовался его идеологически выдержанный антипод – НЕПРИМИРИМОСТЬ [Шмелев 2002: 375]. В постсоветское время негативное отношение к ПРИМИРЕНИЮ опять сменилось на позитивное (ср. знаковый фильм Т. Абуладзе "Покаяние" из трилогии "Древо желаний").

Динамические процессы функционального и этнопсихологического порядка могут существенно затрагивать не только идеологическую сферу, но и *сценарии лингвокультурного поведения*. Например, "покупки" в сознании советского человека четко ассоциировались с гиперконцептом МАГАЗИН и концептами ГАСТРОНОМ, ПРОМТОВАРЫ, КОМИССИОНКА, БАЗА, СТОЛОВАЯ и др. На

глазах одного поколения они переосмыслились в кросс-культурные феномены СЕРВИС, СУПЕРМАРКЕТ, БУТИК, КАФЕ. Процесс приобретения товаров и предоставления услуг, который имел ранее довольно детализированную вербальную маркировку видового порядка (*достать, отстоять, отхватить, вырвать, выбросить*), сменился маркетинговым понятием родового порядка – *покупать* (ШОППИНГ). Одни концепты уходят в небытие, другие остаются дискурсивными маргиналами (ЧЕРНИЛА, ПЕРО, БЛАТ), третьи перековываются на новый лад (ПАРИКМАХЕРСКАЯ → САЛОН, СТОРОЖ → ОХРАННИК, ФИЗКУЛЬТУРА → ФИТНЕСС, ШЕЙПИНГ, РАБОТНИК → МЕНЕДЖЕР, ИЗБИРАТЕЛИ → ЭЛЕКТОРАТ и др.).

В связи со сказанным отметим и те социокультурные трансформации, которые произошли с эпистолярным стилем, широко распространенным с античных времен и до XX ст. (метахтоны рус. ПИСЬМО, укр. ЛИСТ, англ. LETTER, нем. BRIEF). В западной культуре этот дискурс распался на отдельные жанры по сферам использования – приватная (*Einladungen, Dankaussagungen, Absagen, Anzeigen, Entschuldigungen*), деловая (*Werbebrief, Anfrage, Bestellung, Reklamation, Mahnung*), общественная (*Briefe an Bahn, Post, Polizei, Schule*) переписка – и сблизился фактически с текстотипом "заявление". В нашей же лингвокультуре эпистола оказалась вытесненной из системы функциональных стилей, растворившись в официально-деловом, разговорном и художественном дискурсах. Под давлением узуса и в одной, и в другой культурах самоликвидировалась и когда-то мощная ДКК эпистолярного стиля, а ее отдельные репрезентанты валоративно переосмыслились в концепты MESSAGE, E-MAIL, ATTACH, INTERNET, CHAT, SITE и др., ставшие мощной платформой для развития ментально-информативного пространства виртуального дискурса.

Образование и функционирование концептосистем разного типа идут бок о бок с образованием и функционированием соответствующих дискурсов. Это процессы когнитивно-коммуникативного порядка, которые позволяют homo loquens легко преодолевать трудности, связанные с изо- и полиморфизмом, противоречивостью и непоследовательностью тех концептов и дискурсов,

которые уже существуют в социокультуре, и тех новых, которые появляются на ее горизонте. Они же определяют и логику переходов от одного концепта к другому, выведение одних концептов через другие, а также построение новых концептосистем на основе уже имеющихся. Это явление А.П. Бабушкин называет "обновлением концептосферы" [Бабушкин 1997].

В процессе своей исторической динамики ДКК могут изменяться не только на протяжении какого-то неопределенного промежутка времени, но даже на глазах у одного поколения. Очевидно, концептуальный мир человека претерпевает довольно ощутимые трансформации в течение всей его жизни: одни концепты, не успев исчезнуть, сменяются другими, а на повестке дня – уже кардинальные переосмысления третьих. В последнем случае показательным является понятие *налог*, которое из малозначительного для советского человека превратилось в наше время в достаточно серьезную юридическую силу. Скинув с себя оболочку капиталистической ценности, концепты НАЛОГ и СТРАХОВКА в один миг приобрели в глазах постсоветских граждан ту кросскультурную значимость, которая принадлежит им (концептам) по праву. Мир мультикультурных концептов эпохи глобальной технологизации коммуникативного пространства все больше интернационализируется. Правда, вопрос о том, в какой мере и как долго продержатся те или иные ДДК этой эпохи, остается открытым.

Задавая фактуру дискурсивного целого, дискурсивные конфигурации концептов являются диссипативными комплексами, их конstellляции характеризуются изменчивостью и текучестью, а концепты – способностью к *миграции* из одной коммуникативной среды в другую, из одной лингвокультуры в другую. При этом их когнитивно-семантические связи меняются, пересекаются, сходятся и расходятся, разъединяются и объединяются. Они могут быть логическими и алогическими, стойкими и нестойкими, а их историческая динамика – прогнозируемой и непрогнозируемой.

Процессы концептуализации внеязыкового мира возводят на пьедестал логосферы одни лингвокультурные ценности и скидывают с него другие. Новые качества приобретают и концептуальные картины мира, которые в ракурсе своей социодискурсивной динамики характеризуются калейдоскопической изменчивостью. Нельзя не согласиться с В.А. Масловой в том, что концепты являются определенными культурно значимыми сущностями только в начале своего появления, но потом, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и видоизменяются [Маслова 2004: 154]. Вместе с ними видоизменяются и концептополя, и дискурсивные конфигурации концептов, тогда как их матрица – концептосфера – остается синергетически стабильной в той мере, в какой она способна регулировать исчезновение и поступление в нее определенных концептоединиц, то есть самоорганизовываться.

3. Трансфер и мера транслированности концептов. Трансфер концептов связан с тремя возможностями его сообщения / передачи – способностью переходить в процессе общения а) из одной культуры в другую; б) из одной онтологической сферы в другую (напр., миграция из научной в обыденную картину мира); в) от одного говорящего к другому. Поскольку миграция концептов из одной дискурсивной среды в другую уже была нами частично затронута, а проблема индивидуальных заимствований является, скорее, парафией когнитивной психологии, чем лингвоконцептологии, целесообразно остановиться на проблеме межкультурного трансфера концептов.

Межкультурный трансфер концептов предусматривает их *экспорт* или *импорт*. Разграничение этих двух феноменов зависит от угла зрения наблюдателя: если он является представителем лингвокультуры А, то концепт этой культуры К, передаваемый в культуру Б, будет экспортированным. Если наблюдатель принадлежит к культуре Б, то полученный ею в пользование концепт К будет импортированным. Ярким примером экспорта концептов в период распада СССР были ПЕРЕСТРОЙКА и ГЛАСНОСТЬ, а также САМОВАР,

импортированные в принимающие лингвокультуры без перевода (в немецкую, в частности – ср.: *die Perestrojka, die Glasnost*). Они же могут быть одновременно и примером различия экспортно активных и экспортно пассивных лингвокультур: к первым относится англо-американская, ко вторым – немецкая, русская, украинская и др. Зато модус активности / пассивности со временем меняется (французская и немецкая лингвокультуры до конца XIX ст. были активными, а английская – пассивной).

Случаи экспорта-импорта концептов без последующей аккомодации в другой этнокультуре наподобие ПЕРЕСТРОЙКИ и ГЛАСНОСТИ довольно редкие. Иногда они обуславливаются тем, что авторы, которые пишут о другой стране, не могут найти в своем языке достойный эквивалент, как, например, в классических случаях использования в английском публицистическом дискурсе русскоязычных вкраплений: *blat, besporyadok, nomenklatura, bespartiiny, obshchestvennaya rabota, samizdat, vozhd, vlasti, nyekulturno* и др. Узуальный способ заимствования – аккомодация, его "приручение" в инокультурной среде. **Интеркультурная трансляция** концептуального содержания – это его передача, перекодирование, перевербализация средствами другого языка с разной степенью полноты интериоризации понятийного, перцептивного или валоративного компонентов концепта, а иногда и всех вместе.

Чаще всего камнем преткновения для переводчика становится тот фактор, что в разных языковых сознаниях по-разному формируются перцептивно-образные и валоративные компоненты концептов, которые, как правило, редко или совсем не фиксируются словарями, поскольку направлены в основном на лексикографирование понятийного (денотативного) компонента концепта. Тогда его ассоциативная и валоративная составляющие усваиваются только через индивидуальный опыт переводчика, приобретенный им в процессе коммуникативной практики. С другой стороны, из трех структурно релевантных компонентов концепта в той или иной лингвокультуре могут либо

актуализироваться не все (и тогда концептуальная квалификация языковой единицы становится проблематичной), либо актуализироваться по-другому (и тогда вопрос об объективации концепта переходит в плоскость контрастивной концептологии). Живое пульсирование концепта в триедином ритме "понятие – ассоциация – ценность" становится методологической предпосылкой переводоведения.

Содержание, подлежащее трансляции в другую лингвокультуру, преломляется в сознании переводчика в соответствии с его знаниями об устройстве когнитивной базы принимающей лингвокультуры. Являясь этноспецифически окрашенными ментальными образованиями, концепты представляют собой значительную проблему при межкультурной трансляции. Очевидно, когда ученые говорят о возможности перевода какого-либо концепта при помощи его презентации в другой вербальной упаковке [Фесенко 1999: 5], они имеют в виду наднациональный характер понятия – логико-когнитивный субстрат концепта. Этноспецифичный же характер концепта может причинять значительные трудности при трансляции в другую лингвокультуру. Не находя своего отражения в новой инофонной среде, такой концепт лишен каких-либо соответствий в другом языке.

В этом случае возникает проблема отсутствия / наличия компарабельных соответствий, что позволяет говорить, по крайней мере, о трех основных моделях кросс-культурной трансляции концептов:

- универсальность концептуального содержания транслированного концепта для двух лингвокультур – производной и принимающей (полная транслированность);
- наличие у принимающей лингвокультуры вербальных репрезентантов, способных частично передавать содержание транслированного концепта (частичная транслированность);
- отсутствие вербальных репрезентантов концепта в принимающей лингвокультуре (лакунарная транслированность).

Полная (эквивалентная), частичная (пересекающаяся) и лакунарная (безэквивалентная) модели трансляции концептов прямо или косвенно затрагивают проблему совпадения / несовпадения семантических признаков в трехслойной структуре концепта. За основу анализа целесообразно взять идею В.Н. Манакина [2011: 129] о типах межъязыковых семантических отношений между лексическими единицами, которая в экстраполяции на концептологический материал базируется на трех основных моделях трансляции концептов (рис. 2).

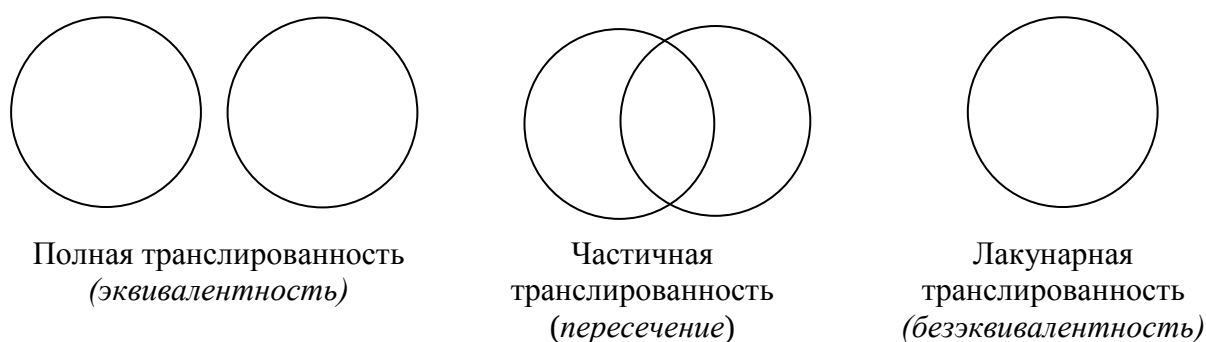

Рис. 2. Модели межъязыковых отношений при трансляции концептов

Полная транслируемость (эквивалентность) возможна тогда, когда концепт является универсальным, а в целевой лингвокультуре имеются его четкие и однозначные вербальные репрезентанты. Последние представляют собой те концептуальные ценности, которые являются наднациональными. Трансляция универсальных (категориальных, теософских, телеономных, морально-этических) концептов вообще не составляет особых трудностей до тех пор, пока они функционируют в пределах общечеловеческих представлений о мире. Примерами полной транслированности могут быть категориальные концепты (ПРИЧИНА → URSACHE / CAUSE / CAUSE, ПРОСТОР → RAUM / SPACE / ESPACE, ВРЕМЯ → ZEIT / TIME / TEMPS), теософские (ВЕЧНОСТЬ → EWIGKEIT / ETERNITY / ÉTERNITÉ, ДОЛЯ → SCHICKSAL / DESTINY / DESTAN, ДУША → SEELE / SOUL / ÂME, ДУХ → GEIST / SPIRIT / ESPRIT), телеономные (ЗДОРОВЬЕ → GESUNDHEIT / HEALTH / SANTÉ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ → GERECHTIGKEIT / JUSTICE / JUSTICE, УСПЕХ →

ERFOLG / SUCCESS / SUCCES, РАДОСТЬ → FREUDE / JOY / JOIE, СЧАСТЬЕ → GLÜCK / HAPPINESS / BONHEUR). Однако, когда универсальный концепт получает определенную национально-специфичную коннотацию, переводчик должен решать проблему его адекватной передачи средствами целевого языка.

Частичная транслируемость (пересечение) концепта является самым распространенным способом перевода концептуальных единиц с одного языка на другой. Он основывается, по меньшей мере, на двух возможностях – идиосинкразической и мозаической. Первый случай реализуется тогда, когда концептуально дискретные единицы одного языка коррелируют с ментально недискретными единицами другого. Это касается, например, идиосинкразических пар ПРАВДА и ИСТИНА (англ. *truth* / нем. *Wahrheit* / фр. *vérité* / исп. *verdad*), ВОЛЯ и СВОБОДА (англ. *freedom* / нем. *Freiheit* / фр. *liberté* / исп. *libertad*), ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ (англ. *friend* / нем. *Freund* / фр. *l'ami* / исп. *amigo*), ВЛАСТЬ и СИЛА (англ. *POWER, MIGHT, FORCE* / нем. *MACHT, KRAFT*), представленными в указанных языках синкретически.

Подчеркивая, что в связанных в тесную пару словах *правда* и *истина* в русской культуре заложена своеобразная духовная ценность, Ю.С. Степанов пишет: “У других европейских народов им соответствует по одному слову <...>, более или менее прямо передающему значение русского „истина“, и, следовательно, значительная доля русского парного понятия остается там не концептуализированной” [Степанов 1997: 318]. Нет четких и однозначных соответствий между нем. *SÜNDE, SCHULD* и *LASTER* и рус. ГРЕХ, ВИНА и ПОРОК, а также рус. ПРИЧИНА и нем. *URSACHE, GRUND, BEWEGGRUND*. Даже в пределах близких культур, формировавшихся в тесном взаимодействии, объем понятий, заложенных в слове, не всегда совпадает. Так, английский язык не разводит принципиально важные для нас понятия ЗАКОН и ПРАВО, а выражает их одним номинантом *LAW*, тогда как родственный ему немецкий – двумя (*GESETZ* и *RECHT*). Аналогично с рус. ЛЮБОВЬ и укр. ЛЮБОВ и КОХАННЯ.

Любой межкультурный контакт предполагает обязательную передачу концептуального содержания средствами принимающей лингвокультуры. В зависимости от большей или меньшей степени сходства культурных и языковых кодов контактирующих культур может быть установлен тип эквивалентности для языковых единиц, при помощи которых культура-реципиент вербализирует концепт. Репрезентанты инофонного концепта – это либо частичные, либо абсолютные (полные) его эквиваленты. Чаще всего такую проблему создают этноспецифичные концепты.

В зависимости от природы транслированной концептуальной информации и условий протекания коммуникации результат перевода может быть разным. Так, если транслируется универсальная или общая для двух лингвокультур концептуальная информация, содержательных потерь и коммуникативных сбоев, как правило, не бывает. При передаче же культурно маркированного содержания возможны и сбои, и утрата части транслированного содержания.

Объяснением этому, возможно, может служить тот факт, что картины мира двух контактирующих культур разные, поскольку, как известно, в них по-разному происходит языковое членение мира. Соответственно, разными являются и когнитивные базы, а потому несходные концептуальные смыслы, реализующиеся в них, оязыковываются иначе. Оптимальный вариант интеркультурной трансляции концептов обуславливается не только общностью смыслового содержания на входе и на выходе (эквивалентностью), но и наличием соответствующей установки транслятора на этноспецифичность концептуальной системы реципиента, являющегося представителем другого лингвоментального комплекса (адекватность).

Когда в принимающей культуре имеются вербальные репрезентанты, способные лишь частично доносить смыслы транслированного концепта, то в этом случае последний реализуется *мозаически*, т.е. мозаикой смыслов нескольких концептов принимающей лингвокультуры. Тут возникает проблема или частичного отсутствия, или, наоборот, наличия нескольких

компаративных соответствий. Так, перевод концепта НАЧАЛЬНИК возможен несколькими способами, например, на немецкий (*Vorstand, Obrigkeit, Chef*), на английский (*head, chief, boss, foreman, superior, supervisor*), на французский (*chef de l'entreprise, patron, le PDG /président directeur général/*), но ни один из них не соответствует тому специфическому содержанию, с которым он ассоциируется у нас. То же самое касается ПРАВДЫ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, СОГЛАСИЯ и других этноспецифичных единиц, с большими трудом поддающихся перекодированию на другие языки.

Широкий анализ трансляционных возможностей русского концепта ТОСКА во французскую лингвокультуру приводит Е.В. Димитрова. Исходя из того что этот концепт не имеет своего однозначного соответствия, она доказывает, что практика его перекодирования затрагивает не саму понятийную базу, а эмотивные начала, актуализирующиеся в русском языке опосредованно. При трансляции во французскую лингвокультуру переводчики обычно концентрируют свое внимание на эмотивно-образном компоненте концепта ТОСКА, что вызывает его значительные трансформации, а потому до франкофонного реципиента доходит только часть того целого, каковыми являются связанные между собой эмотивные смыслы ТОСКИ в русской лингвокультуре. Из-за расхождения концептуальных систем двух языков нарушаются внутренние связи между отдельными смыслами этого концепта, в результате чего эмотивная лакуарность его французских эквивалентов заполняется или компенсируется чем-то таким, чего нет в исходной культуре [Димитрова 2001: 135].

Е.В. Димитрова подчеркивает, что в структуре русского концепта ТОСКА имеют место такие коннотации, как "томление", "грусть", "печаль", "скука", "уныние", "тревога", "ностальгия", "сожаление об утраченном", "стремление к чему-то, что пока не происходит", "тоска по любимым, близким людям". Для этих эмотивных по своей природе смыслов можно найти вербальную оболочку и во французском языке, но лексикализированного концепта (слова),

способного объединить в своей семантике всю смысловую палитру русского концепта, во французском не существует. Не существует таких эквивалентов и в английской, немецкой, испанской и других лингвокультурах. Это же касается и украинского языка, так как семантически наиболее близкие к рус. ТОСКА украинские ТУГА и ЖУРБА не могут быть признаны его эквивалентами.

Е.В. Димитрова демонстрирует это на конкретном материале. В зависимости от того, какой смысл доминирует в исходном высказывании, транслятор подбирает наиболее выразительный его эквивалент именно по той причине, что для каждого из эмотивных проявлений концепта ТОСКА можно найти французскую вербальную оболочку («*томление*» → *tourments, angoisse*; «*грусть*» → *tristesse*; «*нечаль*» → *chagrin*; «*скука*» → *ennui*, «*уныние*» → *abattement, tristesse, idées noires*; «*хандра*» → *spleen, cafard*; «*тревога*» → *anxiété, angoisse, inquiétude*; «*тоска по Родине*» → *nostalgie, mal du pays*; «*сожаление об утраченном*» → *regret de qch*; «*тоска по любимым, близким людям*» → *s'ennuyer de qn.*). Концепт ТОСКА и его французские эквиваленты имеют разный смысловой потенциал, который покрывается лишь суммой потенциалов его эквивалентов [Димитрова 2001: 104].

Предложенный Е.В. Димитровой анализ и наблюдения над эмпирическим материалом подтверждают, что в пределах этой трансляционной модели эквивалентность компарабельных концептов можно квалифицировать как частичную и говорить о концептуальной асимметрии, проявляющейся в возможности перекодирования концептов одной лингвокультуры в концепты другой. В пределах этой модели происходит калейдоскопически вариативная репрезентация соответствующего концепта в другой лингвокультуре.

Лакунарная транслированность концепта имеет прямое отношение к "нулевой" эквивалентности (безэквивалентность) и затрагивает сферу отсутствия в целевой культуре подходящих вербальных репрезентантов. Лакуна – это "виртуальная лексическая сущность, семема, которая не имеет материального воплощения в виде лексемы, но способна проявляться на уровне синтаксической

объективации в случае возникновения коммуникативной потребности концепта" [Быкова 1999: 42]. Поэтому не случайно концептами иногда считают только те семантические образования, которые стоят за словами, не нашедшими однословных эквивалентов при переводе на другие языки.

Наличие определенного концепта в одной лингвокультуре и его отсутствие в другой дает право говорить о категории *лакунарности* и характеризовать ее в параметрах несоразмерности, непонятности, необычности, экзотичности, неточности и даже ошибочности. О лексических лакунах, обнаруживаемых только на фоне других языков, пишет и О.А. Корнилов, но его мысль релевантна и для концептивных лакун: "Определенным концептам того или иного языка в других языках может не находиться даже приблизительных соответствий, т.е. определенные информемы в одних языках, становясь поименованными, переходят в разряд концептов, а в других – нет. Лексические лакуны становятся очевидными только при сопоставлении с другими языками. Вне сопоставления они не осознаются носителями языка" [Корнилов 2003: 180].

Классическим примером безэквивалентного построения концептов в европейских культурах являются рус. GLASNOST, PERESTROIKA, VODKA, SPUTNIK, MATRIOSHKA, APPARATCHIK, DACHA, BORTSCH, SAMOVAR, TROIKA, BALALAIKA (относятся к десяти самым распространенным в мире русскими концептам), укр. ГОПАК, ВИШИВАНКА, РУШНИК, ПИСАНКА, КУМ, БУДЬМО и др. Наоборот, в этих языках отсутствуют такие немецкие концепты, как GESCHWISTER «брат и сестра вместе», PLÄDOYER «речь перед судом» и др. Не имеют в русском и украинском своих лексических эквивалентов фр. ÉDITORIALISTE, ÉCHANGISTE, CHAPERON, а их передача возможна лишь вольными словосочетаниями: "тот, кто пишет передовицы в газете", "тот, кто обменивается" (напр., квартирами), "пожилой человек, сопровождающий девушку в целях безопасности или пристойности". Другими примерами лакунарных концептов (ксенонимов) являются: рус. УМИЛЕНИЕ, ЛУКАВСТВО, РАЗГУЛ, СКЛОКА, фр. BOUILLABAISSE, нем. GEMÜT, брит.

DERBY, амер. CHALLENGE, PRIVACY, EFFICIENCY. Последние, вероятно, можно объективировать в других лингвокультурах через их атрибуты (*materialistic, self-righteous, self-made, competitive, cooperative*), отражающие типовые характеристики американцев. И.А. Голубовская, анализируя китайские концепты QI, YIN, YANG, MING, заявляет, что они могут быть актуализированы в других языках только описательным способом [Голубовська 2004: 135].

Вне сомнения, все трудности при "переодевании" того или иного концепта в убранство другой лингвокультуры связаны с его многомерностью, а точнее, с его трехслойностью. Понятия можно ввести в другой язык либо при помощи прямого трансфера, подобно уже упомянутым *Perestrojka* и *Glasnost*, либо при помощи калькирования (нем. *Umbau, Transparenz*), но две другие ипостаси – материал для творческих мук переводчика. Прежде всего ими будут окутаны трансляционные решения, касающиеся валоративов той или иной лингвокультуры.

То обстоятельство, что концепт, который существует в одном языке, не имеет прямого эквивалента в другом, свидетельствует об отсутствии в последнем соответствующего расчлененного понятия. В. Набоков в свое время детально описал русский концепт ПОШЛОСТЬ в биографии Гоголя, предназначенной для американских читателей. Он отмечает, что английские слова *cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, in bad taste; inferior, trashy, scurvy, tawdry, gimcrack* отражают классификацию ценностей определенного периода времени, тогда как рус. ПОШЛОСТЬ неподвластно времени (цит. по [Леонтович 2005: 117]).

Декодирование / понимание эквивалентов инофонного концепта в целевом языке осуществляется в соответствии с общими законами восприятия: реципиент трансформирует полученную информацию из вербального кода в когнитивные структуры и соотносит их со своей когнитивной (эпистемической) базой, а потом – в зависимости от актуальности и значимости этого содержания – либо фиксирует в структурах долговременной памяти, либо постепенно утрачивает. В большинстве случаев эквиваленты этнокультурного концепта не осознаются как

таковые носителями целевой лингвокультуры. "Инокультурность" может ощущаться только при реализации той трансляционной стратегии, при которой в полном объеме передается содержание культурных коннотаций, т.е. ставится цель максимально полного отображения национальной специфики и делается особый акцент на эквивалентности и адекватности.

Таким образом, трансфер концептов из одной лингвокультурной среды в другую, в основе чего лежит идея экспорта-импорта, может опираться на абсолютные, частичные или нулевые вербальные эквиваленты. Наличие в целевой лингвокультуре абсолютных вербальных эквивалентов свидетельствует об общности исходного и целевого концептуальных смыслов. Трансфер концепта через частичные эквиваленты свидетельствует, с одной стороны, о наличии его определенных признаков в целевой культуре, а с другой, – о структурно-смысловой асимметрии взаимодействующих концептуальных систем. В том случае, когда инофонный концепт не имеет ни полных, ни частичных эквивалентов, можно говорить об отсутствии такого концепта в целевой лингвокультуре и о единственно возможном способе его передачи – описательном. Полный, частичный или дескриптивный результат трансляции концептов из одной лингвокультуры в другую прямо пропорционально зависит от степени их универсальности и градуса этноспецифичности.

Стратегическая миссия перевода состоит не только в пропаганде некоторой культуры на общецивилизационной арене, но и в усвоении духовных ценностей одного народа другим. Переводчик всегда должен принимать во внимание и свое основное кросс-культурное предназначение – способствовать взаимообогащению национальных культур для достижения консенсуса и взаимопонимания народов. Функция межкультурной трансляции концептуальных смыслов – сохранение общечеловеческих ценностей.

4. Выводы и перспективы. Существование концептов в лингвокультуре опирается на основной принцип синергетики – единство и борьбу

противоположностей, регулирующий самоорганизацию сложных систем в пределах антиномии порядка и хаоса. Вопреки стремлению к сохранению своей целостности (порядок), концептосистемы подвергаются неизбежному влиянию энтропийных сил (хаос), что становится вполне понятным на фоне постоянно действующих процессов бифуркации и диссипации. Вызывая разрушение одних концептосистем и возникновение на их месте других, эти процессы суть диалектика статики и динамики концептов и их системных группировок.

Принцип динамики концептосистем детерминирован законами онто- и филогенеза, способствующих устранению из системы концептов, которые потеряли свою актуальность для индивидуального или коллективного сознания, и введению в нее новых единиц, в т.ч. и тех, что усвоены не через эмпирический опыт, а через язык. Механизм эволюционной динамики концептов и концептосистем работает в режиме non-stop. Он действует в пределах таких синергетических процессов, как митигация, интенсификация, аккомодация. Митигация способствует избавлению системы от единиц, актуальность которых для социокультуры или утрачена, или начинает "хромать" (деконцептуализация слова). Прямо противоположным принципом является интенсификация – введение в лингвокультурных обиход тех концептов, которые начинают приобретать актуальность в новых условиях развития общества (концептуализация слова). Аккомодация же имеет промежуточный статус и состоит в приспособлении концепта к новым условиям функционирования.

Концептосистемы возникают и актуализируются для объективации фактуры дискурсивного целого. Они являются хотя и относительно стойкими, но все же диссипативными комплексами, а их атомарные элементы – (ката)концепты – наделены способностью к импорту / экспорту как из одной дискурсивной среды в другую, так и из одной лингвокультуры в другую. При этом их логические связи изменяют друг друга, пересекаются, сходятся и расходятся, соединяются и разъединяются. Они могут быть логичными и

алогичными, устойчивыми и неустойчивыми, а их историческая динамика – прозрачной и непрозрачной, прогнозируемой и непрогнозируемой.

В ракурсе социокультурной динамики калейдоскопической динамикой характеризуются и языковые картины мира, а процессы концептуализации и деконцептуализации сопровождаются возведением на пьедестал логосферы одних этнокультурных ценностей и свержением с него других. Тем не менее алгоритм образования концептосистем нельзя «ухватить» без анализа процессов дивергенции и конвергенции, которые регулируют схождение и расхождение дискурсов в пределах определенной культуры.

Предложенный взгляд на место и роль концептуальных единиц этносоциума – одна из возможных проекций концептосферы на коммуникацию. Системный подход к изучению концептуальных ценностей лингвокультуры позволяет получить убедительные данные о когнитивных схемах национально специфического мышления и согласованных с ним схем коммуникативного поведения того или иного этнолингвокультурного сообщества.

Основная телеология лингвистических изысканий в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы именно в том и состоит, чтобы приблизиться к решению проблемы человеческого мировосприятия и миропонимания, осознать алгоритмы категоризации, стереотипизации и концептуализации действительности, постигнуть пути и способы репрезентации знания. Все это, в свою очередь, позволяет глубже проникнуть в тайны устройства, функционирования и взаимодействия механизмов лого-, концепто- и ноосферы.

Библиографический список

Бабушкин А. П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности / А. П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. — Воронеж, 1997. — № 2. — С. 114—118.

Барт Р. Избранные работы : Семиосфера. Поэтика / Пер. с фр. / Р. Барт. — М. : Прогресс, 1989. — 616 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001.— 123 с.

Быкова Г. В. Лакуарность как категория лексической системологии : дис... доктора филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Быкова. — Воронеж, 1999. — 349 с.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология : современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. — М., 2011. — Т. 70, № 5. — С. 64—74.

Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. — Барнаул : Алтайская акад. экономики и права, 2000. — 168 с.

Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу / І. О. Голубовська. — К. : Логос, 2004. — 284 с.

Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта "тоска" во французскую лингвокультуру : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Е. В. Димитрова. — Волгоград : ВГПУ, 2001. — 19 с.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2010. — 422 с.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. — М. : ЧеРо, 2003. — 349 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. — Волгоград : Перемена, 2001. — 495 с.

Леонтович О. А. Русские и американцы : парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. — М. : Гнозис, 2005. — 352 с.

Манакін В. М. Мова і міжкультурна комунікація / В. М. Манакін. — К. : Академія, 2011. — 288 с.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. — Витебск : Изд-во УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2004. — 214 с.

Приходько А.М. Концепты и концептосистемы / А.М. Приходько. — Днепрпетровск: Белая Е.А., 2013. — 308 с.

Семенець О.О. Синергетика поетичного слова / О.О. Семенець. – Кіровоград: Імекс, 2004. – 338 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004. — 290 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов.— М. : Школа "ЯРК", 1997. — 824 с.

Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека : опыт концептуального моделирования : автореф. дис. ... доктора филол. наук / Т. А. Фесенко. — М., 1999. — 54 с.

Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность / А. Д. Шмелев. — М. : ЯСК, 2002. — 496 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Briefe gut und richtig schreiben. Ratgeber für ein richtiges und modernes Schreiben. /Red. Mitarb. W. Eckey.— Mannheim [u.a.]: Dudenverlag, 1989. – 818 S.

Wiener N. The Human Use of Human Beings / N. Wiener. – N.Y.: Houghton Mifflin, 1950. –312 p.